

НАСЛЕДНИКИ ЭВРИДИКИ

Макс Ведов

Алекс

Макс Ведов

Наследники Эвридики.

Книга 1. Алекс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73076703

SelfPub; 2026

Аннотация

Экипаж «Орфея» совершил непростительное с точки зрения командования преступление: чтобы спасти уникальный инопланетный артефакт от уничтожения, они пошли на бунт и угнали собственную станцию. Их цель – таинственный Ковчег в туманности Ориона. Ресурсы – на нуле. Их единственный актив – биолог Алекс, вступившая в симбиоз с артефактом и медленно превращающаяся в нечто иное. Её тело становится живым инструментом, способным чинить корабль и добывать энергию из радиационных поясов гигантов, но с каждым днём остаётся всё меньше её самой.

Им предстоит сражаться не только с военным кораблём «Гефест», но и с древними ловушками, оставшимися от космических войн, и с чудовищным «Очистителем», пробудившимся на борту. Каждый их выбор – балансирование на грани: использовать ли опасную инопланетную биотехнологию для выживания или сохранить человеческую сущность?

«Наследники Эвридики. Книга 1. Алекс» – напряжённая история выживания в чёрной пустоте, где самый страшный враг – эхо собственных решений.

Макс Ведов

Наследники Эвридики.

Книга 1. Алекс

Книга 1: Наследники Эвридики. Алекс

ГЛАВА 1: КАМЕНЬ С СЕРДЦЕМ

Космос, если хорошенько подумать, – штука скучноватая. Особенно когда ты пять лет подряд таскаешь по нему глыбы замерзшей грязи. Лена Петрова, штурман буксира «Кронос», знала об этом не понаслышке. Ее мир сузился до размеров кабины, пропахшей старым пластиком, перегоревшим кофе и вечным запахом «рецикла» – системой, превращающей их же пот и выдохи обратно во что-то, смутно напоминающее воздух.

За иллюминатором царила привычная, густая, как чернила, темнота. Только небо здесь не усеяно звездами, как в романтических фильмах. В поясе астероидов за Юпитером звезды казались тусклыми, далекими булавочными уколами в бархате. Ближе – лишь хаотичная каша из камней всех размеров, от пылинки до города. Свалка, оставшаяся после грандиозной космической стройки. Их работа – наводить в этой свалке подобие порядка. Найти, захватить, отбуксировать. Железо, никель, лед. Скучно, монотонно, зато платили исправно.

– Лена, ну что там? – капитан Игорь, не отрываясь от планшета с отчетом, бросил вопрос в тишину. – Заскучала уже? Давай, лови свой кусок, и домой. Очередь в душ на станции уже, наверное, до Марса выстроилась.

Игорь был ей как брат, вернее, как старший, ворчливый муж, с которым они так и не поженились, но делили одну кабину десять лет. Седеющий, с лицом, исчерченным морщинами от постоянного прищура, он весь состоял из спокойной, грубоватой практичности.

– Цель 2047-B, – откликнулась Лена, пальцы привычно бегали по панели управления. На экране возник контур астероида. Обычная картофелина. – Размер стандартный, орбита стабильная. Еще один скучный булыжник для коллекции. Магнитометр молчит, как рыба об лед. Никакой платины тебе сегодня не светит, командир.

– Жаль, – Игорь даже не поднял глаз. – Захватывай да поехали. Обедать охота.

«Кронос» с мягким гулом маневровых двигателей приблизился к астероиду. Прожектора вырвали из тьмы неровную, испещренную кратерами поверхность. Лена направила манипуляторы, уже мысленно составляя список покупок на орбитальной станции. Новые фильтры для кофе-машины. Может, ту книжку, что все советуют... И тут ее взгляд зацепился за нечто странное.

Она прищурилась, наклонилась к экрану.

– Игорь. Глянь-ка.

– Что опять? Нашла золотую жилу? – буркнул капитан, но все же оторвался от отчета.

– Он... какой-то слишком круглый.

Игорь присмотрелся. И правда. Большинство астероидов – бесформенные обломки, угловатые, как обломки кирпича. Этот же напоминал... приплюснутый мяч. Или здоровенную речную гальку, обточенную водой. Вот только воды в этих краях не было несколько миллиардов лет.

– Бывает, – пожал он плечами, но в голосе прокралась нотка любопытства. – Метеорит, может, от чего откололся. Ничего особенного. Цепляй.

Но Лену не проведешь. У нее, как у штурмана, глаз-алмаз. Она увеличила изображение, вглядываясь в сеть мелких трещин на поверхности. Что-то было не так с текстурой. Не грубая, зернистая порода, а какая-то... слоистая. Будто не монолит, а склеенный пирог.

– Подгоним чуть ближе, – решила она, и «Кронос» мягко двинулся вперед.

Когда до цели оставалось метров сто, на главной консоли замигал неожиданный индикатор. Не предупреждение о столкновении. Не сбой двигателя. Система контроля атмосферы, та самая, что нюхала воздух внутри корабля, вдруг зафиксировала... всплеск. Слабый, едва уловимый поток сложных органических соединений. Будто где-то рядом пахнуло мокрой землей, сырой корой и чем-то сладковатым,

неизвестным. В открытом космосе.

Игорь нахмурился.

– Что за глюк? Сбрось показания. Давно пора чистить датчики.

– Подожди, – Лена уже запустила глубокое сканирование поверхности. Химический состав выдавал обычное: силикаты, металлы. Но структура... структура не поддавалась анализу. Она была сложной, упорядоченной, с четкими слоями. Не естественной.

– Он не монолитный, – прошептала она. – Он как... луковица. Или...

Она не договорила. Мысль казалась дикой, невозможной.

– Или раковина, – закончил за нее Игорь. Его равнодушие испарилось, как вода в вакууме. Он встал, подошел к экрану, заслонив собой свет. – Увеличь вот этот участок. Вон ту глубокую трещину.

Изображение прыгнуло, сфокусировалось на узкой расселине. В ее глубине виднелось не грубое нутро скалы, а что-то гладкое, с перламутровым, слабым блеском. И датчики вокруг этого участка буквально сходили с ума, фиксируя коктейль из органики, какой не мог образоваться сам по себе миллиарды лет в ледяной пустоте.

В кабине повисло молчание. Гул систем вдруг стал оглушительно громким.

– Это не камень, – наконец выдохнула Лена. Голос у нее

дрогнул. – Это... что-то другое.

– Включи биодатчики, – приказал Игорь. Голос его стал жестким, командирским. Биодатчики на «Кроносе» стояли для галочки, чтобы в случае утечки проверить, не подхватил ли экипаж какую-нибудь космическую плесень. Они искали признаки жизни – тепло, простейшие химические процессы.

Лена, слегка дрожа пальцами, запустила сканирование. Экран на секунду потемнел, а затем замерцал слабыми, едва видимыми точками. И прямо в центре, на месте «астероида», загорелась тусклая, зеленая точка. Она не горела постоянно. Она пульсировала. Раз в двадцать секунд. Ровно. Методично. Как сердцебиение.

– Мать честная... – прошептал Игорь, и в его голосе впервые за много лет прозвучал настоящий, неподдельный страх. – Оно... живое? Или там что-то живое внутри?

Лена не могла оторвать взгляд от этой пульсирующей точки. Весь космос вокруг внезапно перестал быть пустой, мертвой свалкой. Он наполнился тишиной, которая теперь казалась зловещей, выжидающей. В центре этой новой, непонятной вселенной лежало ЭТО.

– Что нам делать? – спросила она шепотом, будто боялась, что объект их услышит.

Игорь сглотнул. Его мозг, заточенный под рутину и простые решения, лихорадочно работал. Они – простые буксировщики. Ржавое ведро с двигателем. У них нет ученых, нет защитных скафандров, нет инструкций на случай, если най-

дешь что-то... дышащее. Первая мысль – бежать. Сообщить и бежать. Но вторая мысль, упрямая и жадная до приключений, перекричала первую. Они СДЕЛАЛИ ЭТО ОТКРЫТИЕ. Двое работяг на потрепанном «Кроносе». Их имена могут войти в историю. Или исчезнуть навсегда, если они налажают.

– Делать? – он повернулся к ней, и в его глазах, выцветших от долгого взгляда в даль, зажегся тот самый азарт, что когда-то заставил их обоих рвануть из душных пригородов Земли в эту бесконечную черноту. – Мы делаем то, что положено. Сообщаем. Фиксируем координаты. И ставим вокруг этой штуки маяки, чтобы никакой другой жадюга ее не нашел, пока не прибудут большие шишки с погонями и микроскопами.

Он потянулся к микрофону для связи с Центром управления полетами, но рука замерла на полпути. Он снова посмотрел на экран, на эту ровную, неторопливую пульсацию в черной пустоте. Зеленый огонек в темноте.

– А потом, – тихо добавил он, будто говоря сам с собой, – я думаю, нам всем придется узнать, кто, черт возьми, оставил здесь свою раковину. И что в ней спрятано.

Снаружи, в беззвучном мраке, прожектора «Кроноса» продолжали освещать странный объект. Он висел неподвижно, холодный и безмолвный, храня в своих перламутровых слоях тайну, которой было миллионы лет. Его одиночество только что закончилось.

А зеленое сердце в его глубине, будто почувствовав чужое внимание, сделало еще один неторопливый, мощный удар.

ГЛАВА 2: ОХОТНИКИ ЗА ПРИЗРАКАМИ

Три недели спустя «Раковина» – как окрестили объект в неофициальных отчетах – обрела соседа. К её пульсирующему, одинокому силуэту присоединился «Орфей». На фоне древней, отполированной временем и вакуумом глади находки, научно-исследовательская станция казалась страшным, потрёпанным уродец.

«Орфей» построили не для красоты. Его создавали для выживания в жёстких условиях орбит Юпитера. Каркас, собранный из модулей разного возраста и происхождения, напоминал скелет гигантского, колючего насекомого. Наросты сенсорных решёток, щетина антенн, шрамы от микрометеоритов – всё кричало об утилитарности. Он парил здесь, в глубоком холоде, как база для изучения ледяных лун: Европы, Ганимеда, Каллисто. Да и населяющая его команда были не какие-то яйцеголовые учёные с Земли, а крепкие, немного циничные специалисты, которых не пугала ни радиация, ни скука, ни запах переработанного воздуха, въевшийся в стены.

В главной лаборатории, прильнув лбом к толстому, многослойному иллюминатору, стояла Алекс Стивенс. За её спиной гудели компьютеры, перекачивая терабайты предварительных данных. Коллеги тихо переговаривались у консолей.

Она не слышала. Весь её мир сжался до того, что лежало за стеклом.

«Раковина» завораживала. Не человеческой, а какой-то иной, математической красотой. Свет от прожекторов «Орфея» скользил по поверхности, выхватывая не хаотичные сколы, а сложный, повторяющийся узор из плавных выступов и впадин. Он напоминал зашифрованное послание, гигантский отпечаток пальца неведомого существа. В глубоких трещинах поблёскивало что-то тёмно-синее, почти чёрное, но с маслянистым, живым отливом.

– Ну что, наш ксенобиолог окончательно впал в транс? – рядом раздался знакомый, слегка насмешливый голос.

Алекс не обернулась.

– Смотри, Марко. Видишь эти концентрические круги вокруг центральной впадины? Не похоже на следы ударов. Скорее, слои роста. Как годовые кольца у дерева. Только это дерево росло в абсолютном нуле, без воды и почвы.

Марко Реннер, главный инженер «Орфея», тяжело ступил рядом, хрустнув костяшками пальцев – дурная привычка, сохранившаяся со времён его работы в доках Марса. Он являлся её полной противоположностью: коренастый, с практичной, почти под ноль, стрижкой и цепким, недоверчивым взглядом, всегда ищущий слабое звено, стык, который можно расколоть, расчётную ошибку.

– Вижу здоровенный кусок непонятной дряни, который уже сожрал половину нашего квартального бюджета. И вижу, что у него, прости за выражение, дыра в боку. Наша задача – залезть в эту дыру и понять, как штуковина устроена. А не гадать, что ей снилось.

– Ты же понимаешь, это не просто «кусок дряни»? – Алекс наконец оторвалась от иллюминатора. В её глазах горел тот самый огонь, что всегда вспыхивал перед Большим Открытием. – Это артефакт. Возможно, важнейший в истории. Технология, основанная не на металле и кремнии, а на биологии. Это меняет всё.

– Меняет, – согласился Марко, мотнув головой в сторону коридора. – Изменило уже наш распорядок. Видишь того парня в чёрном у шлюза? Это лейтенант Горский с «Гефеста». Их тут теперь трое. «Для нашей же безопасности». Каждый чих записывают. Потому что где-то далеко, на Земле, адмиралы и политики уже ломают голову: оружие это или нет. И как это оружие стащить у конкурентов.

Его цинизм, как всегда, резал слух. Но Алекс знала – под этой броской грубостью скрывался блестящий ум, который уже, наверное, двадцать раз просчитал прочность оболочки «Раковины» и все возможные сценарии проникновения внутрь. Его недоверие было её противовесом, необходимым якорем в море её научного энтузиазма.

– Оружие не пульсирует, Марко, – тихо возразила она. – Оружие не растёт. Это... корабль. Или его часть. И он ждёт.

– Чего он ждёт? – фыркнул инженер.

– Контакта.

В лабораторию вошла капитан станции, Ева Ковальски. Она несла на плечах не только звание, но и груз ответственности за два десятка жизней в этой жестяной банке, летящей над бездной. Выглядела уставшей, но собранной, как пружина.

– Хорошие новости, – начала она без предисловий. – Совет дал добро на первичное обследование. Дистанционно. Дронами. Реннер, ваша команда готова?

– Дроны заряжены, оснащены сканерами и щупальцами, которые отвалятся при первом же странном сигнале, – отчеканил Марко. – Ждём команды.

– Стивенс, вы ведёте научную часть. Каждый сантиметр, каждый всплеск энергии. Требую понять, чем он дышит, чем питается и как отреагирует на наше любопытство.

Час спустя маленький, похожий на стального паука дрон, мягко отчалил от «Орфея» и пополз по чёрному бархату космоса к «Раковине». В центре управления воцарилась та самая напряжённая тишина, что бывает перед выстрелом. Взгляды всех присутствующих прилипли к экранам, показывавшим картинку с камер дрона.

Аппарат приблизился к тёмному отверстию, которое Алекс назвала «дырой в боку». Включил прожекторы.

Внутри открылся не механический отсек с болтами и

переборками. Это оказалась... пещера. Стены складывали структуры, напоминавшие гигантские рёбра. От них отходили похожие на лианы тяжи, сливающиеся в узлы-сплетения. Повсюду виднелись тонкие, полупрозрачные мембраны, напоминавшие высохшие крылья летучей мыши. И всё это покрывал тончайший слой мерцающей пыли, вспыхивавшей под светом дрона, словно иней в лучах утреннего солнца.

– Никаких признаков двигателей, реактивных сопел, топливных баков... – бормотал Марко, вглядываясь в телеметрию. – Зато видна сложная сеть каналов. Как кровеносная система. И в центре... видите? Сфера.

В глубине пещеры, в месте схождения всех «лиан», висел в воздухе идеально круглый объект размером с баскетбольный мяч. Матовый, тёмно-серый, он казался безжизненной глыбой углеродистого материала.

– Температура в норме, радиационный фон в норме, – доложил оператор дрона. – Электромагнитных полей нет. Похоже на мёртвое ядро. Может, сердцевина?

– Аккуратно, – прошептала Алекс, хотя дрон её не слышал. – Коснись его. Легко.

Манипулятор дрона с тонким сенсорным щупом на конце медленно протянулся к сфере. Острый кончик щупа мягко, почти невесомо, ткнул в её поверхность.

Ничего.

Разочарованный вздох прокатился по комнате.

– Мёртвое ядро, – заключил Марко. – Может, это и был

«МОЗГ», но он давно...

Он не договорил. Сфера внезапно *ожила*.

Серый матовый материал потеплел, стал полупрозрачным, как мутное стекло. Внутри заструился мягкий золотистый свет, пульсирующий в том же ритме, что и зелёная точка на сканерах «Кроноса». Свет заиграл, замерцал сложными, гипнотизирующими узорами. Он был *живой*.

Алекс застыла, затаив дыхание. Это зрелище оказалось прекрасней всего, что она видела за свою жизнь.

А потом свет *выстрелил*.

Не лучом или импульсом. Волной. Невидимой, но зафиксированной каждым датчиком «Орфея». Это оказалась волна сложных органических соединений, смешанных с чистым, структурированным электромагнитным полем. Она прошла сквозь корпус станции, словно призрак сквозь стену.

В центре управления погас свет. На секунду. Когда он вернулся, все приборы бешено мигали, сбитые с толку.

Алекс почувствовала странный привкус во рту. Медный. Горьковатый. Будто она лизнула контакты батарейки. Рядом Марко потерял виски, лицо его скривилось.

– Что, чёрт возьми, это было? ЭМИ? – спросил лейтенант Горский, его рука произвольно легла на кобуру.

– Нет, – голос Алекс прозвучал отрешенно. Она смотрела не на экраны, а на свои руки. Ей почудилось, будто по коже пробежали мурашки. – Это не электромагнитный импульс. Это... приветствие. Или диагноз.

Она подняла взгляд к иллюминатору. Золотое сердце в глубине «Раковины» пульсировало ровно и мощно, заливая внутреннюю пещеру тёплым, живым светом. Оно проснулось.

И теперь смотрело на них.

ГЛАВА 3: ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТЬМЕ

Тишина в центре управления была густой, звонкой, будто после взрыва. Минуту, другую все просто смотрели на экраны, где золотое сердце продолжало свой мерный, завораживающий танец света.

Первым отреагировал вслух лейтенант Горский. Его рука все еще лежала на кобуре, хотя разум уже понимал – пистолет бесполезен против того, что только что случилось.

– Станция «Орфей», докладываю о непонятном энергетическом выбросе. Все системы в норме? Капитан Ковальски?

Ева медленно повернулась к нему. Лицо ее посерело от усталости, но голос звучал твердо, без надрыва.

– Системы... работают. Компьютеры перезагружаются. Физических повреждений нет. – Она перевела вопросительный взгляд на Марко. – Реннер?

Марко уже сидел за своей консолью, пальцы летали по клавишам с лихорадочной скоростью.

– Все в норме. Сбой кратковременный. Но это была не ЕМР. Сканеры зафиксировали... выброс сложных органических молекул. Целое облако микрожизни. Импульс. Будто чих.

– Чих? – недоверчиво переспросил лейтенант.

– Образно выражаясь, – огрызнулся Марко, не отрываясь от экрана. – Суть в том, что штукавина не механическая. Она... биологическая. И очень активна.

Алекс не слушала их. Она подошла к самому большому экрану, показывавшему картинку с дрона. Сердце пульсировало. Но это еще не все. Стены пещеры – те самые ребристые, похожие на кости структуры – теперь тоже светились. Слабое, фосфоресцирующее голубоватое сияние бежало по каналам, словно по ним пустили ток. Вся внутренность «Раковины» оживала прямо на глазах.

– Капитан, – тихо позвала она, не отрывая взгляда от экрана. – Посмотрите. Это не просто реакция на касание. Это... пробуждение. Системы включаются.

– Какие системы? – подошла ближе Ева.

– Любые. Жизнеобеспечение. Коммуникации. Навигация. Не знаю. Но видите эти каналы? Теперь они похожи на... вены. И свет течет по ним от сердца к краям.

Марко присвистнул, откинувшись на спинку кресла.

– Отлично. Значит, ткнули палкой в спящего медведя. И теперь он открыл один глаз. Что будем делать? Ждать, пока

встанет?

– Будем изучать, – твердо сказала Ева. – Но с усиленными мерами предосторожности. Лейтенант Горский, доложите на «Гефест». Попросите усилить мониторинг. Реннер, хочу, чтобы все наши системы экранировали на случай еще одного такого... чиха. И готовьте скафандры. Если это биологический корабль, нам нужны образцы тканей. Не дистанционно. Вручную.

– Вручную? – Алекс и Марко выпалили это одновременно, но с разными интонациями. В голосе Алекс звучал восторг. В голосе Марко – предчувствие беды.

– Именно, – кивнула Ева. – Теряем время. На Земле уже дерутся за право обладать этой находкой. Наша задача – понять ее первой. И сделать это осторожно, но быстро. Команда для выхода: Стивенс, Реннер и я. Через два часа.

Когда капитан ушла отдавать распоряжения, Марко схватил Алекс за локоть, отведя в сторону от любопытных ушей.

– Ты в своем уме? Туда? Внутрь этой... китовой утробы? Мы не знаем, чем она дышит, какие там бактерии, вирусы...

– Знаем, что там есть атмосфера, – возразила Алекс, и глаза ее снова загорелись тем самым огнем. – Датчики дрона показали следы азота, кислорода... смесь для дыхания, Марко! Она создана для жизни, похожей на нашу.

– Или для того, чтобы жизнь, похожую на нашу, переварить, – мрачно сказал Марко. Но приказ оставался прика-

зом. – Ладно. Но если что-то поползет по моему скафандру, стреляю. В тебя, в стену, без разницы.

Через два часа они стояли в шлюзовой камере, закованные в тяжелые исследовательские скафандры. Белые, неуклюжие, они напоминали призраков или первопроходцев давно забытой эры. Через шлем Алекс видела лицо Марко – сосредоточенное, недовольное. Ева выглядела каменной статуей, лицо скрывал светоотражающий визор.

– Связь на автономном режиме, – сказал техник за бронированным стеклом. – Чтобы никакие всплески «Раковины» не глушили канал. Давление нормальное. Удачи.

Внешний шлюз открылся с тихим шипением, обнажив бездну. И в этой бездне, освещенная неровным светом прожекторов «Орфея», лежала «Раковина». Вход в нее зиял темным пятном, теперь подернутым изнутри зловещим голубым свечением.

Алекс сделала первый шаг. Невесомость мягко подхватила ее, и она поплыла вперед, держась за страховочный трос. Сердце колотилось где-то в горле, но не от страха. От предвкушения. Возможности коснуться тайны.

Они вплыли внутрь.

Тишина. Давление в скафандрах оставалось нормальным, но Алекс словно чувствовала перемену. Воздух вокруг был другим. Не мертвым вакуумом, а... пространством. Ощущаемым.

Внутри все оказалось огромным. Ребристые стены уходили вверх, теряясь в тенях. «Лианы» вблизи оказались толще, чем казалось с экрана – каждая в руку человека. И они были теплыми. Датчик на запястье Алекс показал +18 по Цельсию.

– Здесь есть собственное тепло, – прошептала она в микрофон. – Биологическое.

– Прекрасно, – раздался в наушниках голос Марко. – Значит, могут быть и свои клещи. Смотрите под ноги. Вернее, под... в общем, смотрите везде.

Они медленно продвигались к центру, к пульсирующему сердцу. Свет от него отбрасывал длинные, пляшущие тени, превращая знакомые по видео очертания в нечто живое и дышащее. Алекс протянула руку и коснулась стены. Через толстую перчатку она почувствовала шершавую, ребристую текстуру, полностью отличающуюся от привычного металла. Она напоминала кору древнего дерева. И, кроме того, *вибрировала*. словно по ней бежал крошечный, постоянный ток.

– Здесь течет энергия, – сказала она. – Устойчивый поток. Очень низкого напряжения, но...

Внезапно свет сердца вспыхнул ярче. Золотистое сияние затопило пещеру, ослепив их на мгновение даже сквозь затемненные визоры. И тут же одна из «лиан» рядом с Марко шевельнулась. Медленно, лениво, как щупальце спящего спрута. Его конец развернулся, и Алекс увидела нечто, похожее на раскрывающийся цветок из бледной, почти прозрач-

ной кожи. Внутри мерцали крошечные огоньки, словно светлячки, пойманные в ловушку.

– Назад! – крикнул Марко, инстинктивно хватаясь за многофункциональный инструмент на поясе.

– Стой! – скомандовала Ева. – Не двигайтесь!

Цветок-щупальце медленно поплыл по воздуху, направляясь прямо к Марко. Тот замер, стиснув зубы. Щупальце приблизилось, «обнюхало» его шлем, коснулось стекла нежным, почти ласковым движением. Огоньки внутри замигали быстрее, затанцевали.

– Оно... изучает тебя, – прошептала Алекс, замороженная.

– Мне это не нравится, – сквозь зубы процедил Марко.

Щупальце отплыло, затем повернулось к Алекс. Проплыло мимо, словно заинтересовавшись показаниями приборов на ее груди. Затем двинулось к Еве. Провело по ее плечу, по гермошву. И вдруг – резко дернулось к месту, где на поясе капитана висел стандартный мультитул в металлическом чехле.

Цветок сжался, огоньки погасли, а само щупальце отдернулось, будто от огня. Оно поползло назад к стене, свернулось в тугой, недовольный клубок и замерло.

– Что это было? – спросила Ева, выдыхая облачко пара на стекло шлема.

– Реакция на металл, – сказала Алекс, и в ее голове сложился пазл. – Чистый, небιологический металл. Ему...

неприятно. Или он его не узнает. Эта технология не использует металлы как мы. Все здесь – органика. Выращенная, а не построенная.

Она посмотрела на золотое сердце. Теперь она понимала его свет. Это был не просто свет. Это язык. Энергия. И, возможно, приглашение.

– Капитан, – сказала Алекс, и голос ее звучал убежденно. – Думаю, мы должны попробовать установить контакт. Щупы дрона не подойдут. Чем-то... живым. Наподобие биологического сигнала.

– И как ты предлагаешь это сделать? – спросила Ева, все еще наблюдая за свернувшимся щупальцем.

Алекс медленно подняла руку и стала отстегивать толстую внешнюю перчатку.

– Алекс, нет! – рявкнул Марко, сделав шаг к ней.

Но было поздно. Она стянула перчатку. Под ней осталась вторая тонкая, облегающая перчатка из умной ткани. Она подняла руку и медленно, очень медленно, словно боясь спугнуть дикого зверя, протянула ее в сторону пульсирующего сердца.

– Что ты делаешь? – голос Евы прозвучал жестко, хотя и без приказа остановиться.

– Даю ему образец, – тихо сказала Алекс. – Не сканер или металл. Клетки. Тепло. Жизнь.

Ее пальцы оказались в сантиметрах от светящейся поверхности. Она почувствовала легкое, едва уловимое покалыва-

ние. Как от статического электричества.

И тогда сердце *ответило*.

Золотой свет мягко обволок ее руку, не причиняя боли, не обжигая. Он был теплым, почти ласковым. И в ее голове, тихо, как далекое эхо сквозь толщу воды, прозвучало... ощущение. Картина. Образ темной, беззвездной пустоты. И одинокого огонька в этой пустоте. Огонька, который искал другой огонек. Любой огонек.

Алекс внезапно вскрикнула от резко переполнившего ее чувства – тоски, такой глубокой, древней и всепоглощающей, что у нее перехватило дыхание. Она отдернула руку, будто обожглась. Свет отпустил ее легко, без сопротивления.

Она стояла, тяжело дыша, глядя на запястье. Кожа под тонкой перчаткой выглядела нормально. Но она *почувствовала* это. Эхо. Оно осталось с ней, въелось под кожу, застучало в висках вторым сердцем.

– Алекс? – позвала Ева. – Что случилось?

Алекс посмотрела на нее, и в ее глазах Марко, ненавидящий все это предприятие, увидел нечто, что заставило его похолодеть. Он увидел восхищение. И абсолютную, бездонную потерянность.

– Это не корабль, – прошептала Алекс, и голос ее дрогнул, сорвался. – Это гробница. И тот, кто внутри... не просто спит. Ждет, чтобы его услышали. Он умер от одиночества.

И в тот же миг, будто подчиняясь ее словам, все огни в «Раковине» – от золотого сердца до голубых прожилок в сте-

нах – погасли разом. Оставив их в полной, непроглядной, давящей тьме, нарушаемой только дрожащими лучами собственных нашлемных фонарей. Тишина стала абсолютной.

«Раковина» снова замолчала. Но теперь они знали – молчание это было не пассивным. Это пауза. Глубокий, содержательный вздох перед долгой речью.

ГЛАВА 4: ПОСЛЕВКУСИЕ

Тьма длилась всего несколько секунд. Сначала зажглись голубые прожилки в стенах, тонкими, нервными молниями. Потом вспыхнуло золотое сердце. Но теперь его пульсация изменилась — ровный, спокойный ритм пропал, превратившись в неравномерные, словно взволнованные всплески. Похожие на сердцебиение после внезапного испуга.

– Выходим, – резко скомандовала Ева, и в ее голосе, всегда таком выверенном, впервые прозвучала тревога, которую не удавалось скрыть. – Немедленно. Назад к шлюзу.

Марко схватил Алекс за рукав скафандра и потянул за собой. Она не сопротивлялась. Плыла, как автомат, невидящим взглядом глядя на свою руку, ту самую, что коснулась света. Через тонкую перчатку ей казалось – кожа от кончиков пальцев до самого плеча горит легким, навязчивым жжением. Как от слабого солнечного ожога.

Они выплыли из «Раковины» в черную, вечную пустоту космоса. Вид родного «Орфея» с его мигающими огнями и торчащими антеннами показался невероятно успокаивающим.

вающим. Как возвращение в старую, потрепанную, но свою квартиру после ночного кошмара на улице.

В шлюзовой камере их встретили не как героев, а как потенциальных носителей заразы. Медики в защитных костюмах, похожих на скафандры без шлемов, обработали их и скафандры жесткой дезинфекцией, а затем провели через сканеры и засыпали десятками вопросов.

– Никаких признаков заражения, – доложил главный врач станции, суровый мужчина по фамилии Волков. Он пожимал плечами, разглядывая показания. – Температура в норме, радиационный фон тоже. Посторонних микроорганизмов не выявлено. Вы чисты.

Марко тяжело опустился на лавку и начал отстегивать шлем. Его лицо было мокрым от пота, глаза усталыми.

– Чисты. Отлично. А что насчет заражения психического? – Он бросил взгляд на Алекс, которая молча, будто во сне, снимала свой скафандр. – Она там что-то... почувствовала. Не просто увидела.

Ева сняла шлем, ее лицо казалось высеченным из серого камня.

– Стивенс. Доклад. Что именно произошло, когда ты коснулась ядра?

Алекс подняла глаза. Взгляд был остекленевшим, расфокусированным, будто она смотрела сквозь капитана, в ка-

кую-то иную реальность.

– Это не касание, капитан. Это был... контакт. Я почувствовала... одиночество. Такую глубокую и старую тоску, будто смотришь в пустоту, которая длилась миллионы лет.

– Эмпатическая связь? – недоверчиво спросил Марко, вытирая лицо. – От куска биомассы?

– Это не «кусочек», Марко, – голос Алекс стал тверже, в нем появились краски. – Это сознание. Или память. Записанная в самой структуре этой ткани. И оно искало отклика. Любого отклика. Оно умирало в темноте и просто хотело знать, что не одно.

Врач Волков переглянулся с лейтенантом Горским, который молча наблюдал в углу, скрестив руки.

– Возможно, эффект влияния слабого электромагнитного поля на лобные доли, – осторожно предположил Волков. – Слуховые или тактильные галлюцинации, вызванные...

– Это не галлюцинации, – перебила его Алекс. Она встала и подошла к иллюминатору, выходявшему в сторону «Раковины». Та, как и прежде, плыла в ночи темным, молчаливым силуэтом, лишь слабый золотой огонек мерцал в глубине. – Это был сигнал. Язык. Только не из слов. Ощущений.

Ева вздохнула, проводя рукой по лицу.

– Хорошо. Все данные со скафандров и биодатчиков

пройдут углубленный анализ. А теперь – отдых. Четыре часа. После – детальный дебрифинг. И, Алекс, – она сделала паузу, глядя ей прямо в глаза, – если появятся еще какие-то... ощущения. Любые. Докладываешь немедленно.

Четыре часа спустя Алекс сидела в своей каюте. Она пыталась уснуть, но не получалось. За закрытыми веками она снова увидела золотой свет и чувствовала ту леденящую тоску. Но было и кое-что еще. Словно легкий, высокочастотный звон в ушах, который не прекращался. И странная... ясность мыслей. Будто туман в голове рассеялся, обнажив каждую деталь, любое воспоминание с необычайной четкостью.

Она встала и подошла к маленькому зеркалу над умывальником. Отражение было обычным: усталое лицо, растрепанные каштановые волосы, синяки под глазами от недосыпа. Но глаза... В ее собственных глазах она наблюдала нечто чужое. Слишком пристальное. Внимательное. Она смотрела на себя, как биолог на интересный образец.

Алекс подняла руку и посмотрела на вены запястья. И замерла. Под кожей, едва заметно, будто тень или оптическая иллюзия, проступил слабый, голубоватый узор. Он исчезал, когда она приглядывалась, и проявлялся снова, видимый боковым зрением. Как будто кто-то провел по коже невидимым фосфорным карандашом.

В каюте раздался резкий, настойчивый стук в дверь.

– Алекс! Ты в порядке?

Голос Марко. Она машинально натянула рукав свитера, скрывая запястье.

– Да, в порядке. Входи.

Марко вошел. Он выглядел не лучше ее – под глазами залегли темные тени, движения были резкими.

– Не спится? – спросил он, садясь на краешек единственного стула.

– Ты же знаешь ответ.

– Мне тоже, – признался он. И замолчал, смотря в пол, на царапины на металле. – Знаешь, я там, внутри, когда это щупальце ко мне полезло... Я не просто испугался. *Почувствовал* его. Будто оно смотрело не на скафандр, а прямо на *меня*. Сквозь пластик и титан. И ему было... интересно. Как ребенку, который впервые видит жука. Чтобы его не раздавить.... А рассмотреть.

Алекс кивнула, обнимая себя за плечи. В каюте было прохладно, но ее знобило не от температуры.

– Оно изучало нас как биологические образцы. Так же, как и мы его.

– Вот именно, – Марко посмотрел на нее, и в его взгляде читалась непроходящая тревога. – И этот твой «контакт»... Может, оно и тебя изучило? Не просто коснулось, а... счи-

тало что-то? Твой ДНК, мозговые волны, хрен его знает?

Мысль пугала. И в то же время была логичной. Алекс снова почувствовала легкое, фантомное жжение под кожей на месте узора.

– Возможно.

– И что, по-твоему, оно теперь с этой информацией делает? – спросил Марко, в его голосе снова зазвучал привычный, жесткий прагматизм. – Заархивирует? Или начнет... подстраиваться?

Дверь каюты снова открылась без стука. На пороге стоял молодой лаборант из команды биологов, парень по имени Ли Чен. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, сейчас выглядело бледным, глаза выпученными.

– Доктор Стивенс... мистер Реннер... вам лучше прийти в лабораторию. Сейчас же. С образцами... что-то не так.

– Что случилось? – Алекс вскочила, забыв на мгновение о запястье.

– Те крошечные кусочки ткани, что мы взяли дистанционно, до вашего выхода... они... ведут себя странно. Очень странно.

В главной лаборатории царил тишина, нарушаемая лишь тихим, настойчивым писком приборов. Несколько человек столпились вокруг прозрачного бокса с усиленной биологи-

ческой защитой. Внутри, на стерильном лабораторном стекле, лежало три образца серой, похожей на замшелый мох ткани, взятой с внешней оболочки «Раковины» еще до пробуждения сердца.

– Смотрите, – прошептала одна из техников, указывая пальцем.

Образец номер два, сухой и безжизненный еще час назад, теперь слегка изменил цвет – стал темнее, насыщеннее. И по его поверхности пробежала слабая, едва заметная рябь. Будто под тонкой пленкой задвигались микроскопические мышцы. Будто он... задышал.

– Материал реагирует на свет, – сказал Ли Чен, указывая на график на экране. Его голос дрожал от волнения. – Мы направили на него луч обычной лампы. Его метаболизм... если это можно так назвать... ускорился на триста процентов. Он поглощает фотоны. Как растение. Но когда свет убрали...

На экране кривая метаболизма заметно снизилась, но осталась на уровне в два раза выше исходного. Образец словно «запомнил» свет и продолжал работать в новом режиме.

– Он что-то «выучил»? – не поверила своим глазам Алекс, подходя ближе.

– Или адаптировался, – мрачно произнес Марко. – Эй, а что с образцом номер три?

Последний поместили в среду, имитирующую человеческую кровь – теплую, насыщенную солями и питательными веществами. Теперь он выглядел иначе. Не просто лежал –

расползлся. Тончайшие, почти невидимые невооруженным глазом нити тянулись от краев, исследуя чашку Петри. Цвет плавно изменился с серого на розоватый, телесный.

– Он... изучает среду, – сказала Алекс, в ее голосе это прозвучало не как страх, а как чистое, незамутненное научное изумление. – И подстраивается под нее. Эта биология не просто инертна. Активна. И очень *любопытна*.

В этот момент в лабораторию вошла Ева Ковальски. Она взглянула на бокс, графики, ее лицо стало еще жестче, непроницаемое.

– Только что говорила с Землей. У них истерика. Полученные данные о «чихе» и вашем выходе вызвали бурю. Одна половина Совета требует немедленно уничтожить объект, пока он не «заразил» всю систему. Другая – требует его немедленно доставить на лунную орбиту для изучения лучшими умами.

– Это невозможно, – тут же отрезал Марко. – Мы не знаем, как эту штуку двигать. Да и если тронем, она может отреагировать... непредсказуемо.

– Я это и сказала, – кивнула Ева. – У нас есть еще сорок восемь часов на то, чтобы предоставить исчерпывающий доклад и рекомендации. Иначе решение примут за нас. – Она посмотрела на Алекс. – Ты была ближе всех к нему. Что предлагаешь?

Все взгляды обратились к Алекс. Та смотрела на розовею-

щий в питательном растворе образец. Он был ужасен и прекрасен одновременно. Чужой и в то же время... откликающийся. Живой в самом странном смысле этого слова.

– Предлагаю продолжить контакт, – тихо, но четко сказала она. – Не тыкать в него щупами. Говорить. На его языке.

– И какой же это язык? – спросил лейтенант Горский, появившийся в дверях, его рука, как всегда, лежала на кобуре.

Алекс повернулась и посмотрела прямо на него. В ее глазах горела та самая странная ясность, что пугала Марко.

– Язык биологии, лейтенант. Жизни. Мы должны дать ему не просто образец клеток. Важно дать понять, *кто мы*. Наши намерения. Разум. Если у него есть сознание, оно должно увидеть, что мы не просто мясо. Оно должно распознать личность.

– И как ты это сделаешь? – спросила Ева.

– Я вернусь туда, – сказала Алекс. – Одна. Без инструментов. Металла. Только я. И мы посмотрим, заговорит ли он со мной снова.

– Это безумие, – выдохнул Марко.

– Это единственный шанс понять, друг он или враг, – парировала Алекс. – Прежде чем кто-то нажмет на спуск.

В лаборатории воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь тихим пискom приборов, отслеживающих пульсацию чужой, живой плоти в боксе. Образец номер три выпустил

еще одну тонкую, розовую нить. Она медленно, неуклонно потянулась к стенке чашки Петри, к миру за стеклом.

Алекс чувствовала, как ее собственное, едва заметное жжение под кожей вторит этому движению. Как тихий, отдаленный эхо-сигнал. Мост уже начал строиться. И остановить этот процесс было выше ее сил. Осталось лишь решить, куда он приведет.

ГЛАВА 5: ДОБРОВОЛЕЦ

Следующие двенадцать часов на «Орфее» прошли в лихорадочном, тревожном оживлении. Воздух стал густым от страха, возбуждения и жгучего любопытства, смешавшихся в один тяжелый, с трудом вдыхаемый коктейль.

Марко Реннер метался между лабораторией и инженерным отсеком, изливая гнев и опасения на любого, кто попался под руку.

– Это чистейшее, непродуманное самоубийство! – кричал он, влетая в капитанскую рубку, где Ева Ковальски изучала свежие, еще более грозные протоколы безопасности, пришедшие с Земли. – Мы не имеем понятия, как эта штуковина работает! Она может переписать ДНК, взломать нервную систему, черт знает что еще! Это биологическое оружие замедленного действия, а не собеседник!

– Твой протокол экранирования, Реннер? – спокойно переспросила Ева, даже не поднимая глаз от планшета.

– Готов! – выпалил он, с силой шлепнув толстую папку с распечатками на стол. – Мы обмотали скафандр Стивенс дополнительным слоем на основе углеродного волокна. Экранирует почти все, кроме базовых тепловых и биологических сигналов. Но это всё равно что бросить человека в клетку к тигру в кольчуге из фольги. Если тигру захочется, он разорвет и фольгу, и человека!

– Ты считаешь объект враждебным? – Ева наконец посмотрела на него.

– Я считаю его *неизвестным*! – Марко ударил кулаком по столу, заставив подпрыгнуть кружку с холодным кофе. – И неизвестное лучше изучать на расстоянии! А не лезть к нему в пасть с добрыми намерениями и улыбкой!

В это время Алекс находилась в медицинском отсеке. К ее телу, поверх тонкого термобелья, крепили целую паутину датчиков. Они отслеживали малейшие изменения: сердцебиение, волны мозга, биохимию крови, температуру кожи, электрическую активность мышц. Врач Волков, суровый и неразговорчивый, хмурился, глядя на предварительные анализы.

– У вас слегка повышен уровень дофамина и серотонина, – произнес он, тыча пальцем в график на экране. – И странная, нетипичная активность в гиппокампе. Как будто ваш мозг... обрабатывает что-то фоновое. Большое.

– Послевкусие контакта, – просто сказала Алекс. Она не

стала показывать ему едва заметный, но уже не исчезающий голубой узор на запястье. Тот теперь лишь слегка бледнел и снова проявлялся, будто дышал вместе с ней.

– «Послевкусие», – проворчал Волков, вводя ей под кожу микроскопический транспондер-маячок. – Я бы назвал это микроскопическим повреждением нейронов или несанкционированным вмешательством в нейронные связи. Вы абсолютно уверены в своем решении?

– Это необходимо, доктор.

Волков покачал головой, запечатывая место инъекции.

– Тогда вживляю маячок. Самый маленький из возможных. Если ваши жизненные показатели упадут ниже критической отметки или вы подадите сигнал... мы попробуем вас вытащить. *Попробуем.* – Он посмотрел ей прямо в глаза, и в его обычно бесстрастном взгляде мелькнуло что-то похожее на профессиональную тревогу. – Но если тот «садовник» в раковине решит вас оставить... мы мало что сможем сделать. Поймите это.

– Понимаю.

Когда подготовка завершилась, Алекс в своем экранированном, но от этого еще более неудобном скафандре вышла в основную лабораторию. Практически весь экипаж, не привязанный к срочной работе, собрался там. Лица людей отражали целую гамму чувств – от открытого восхищения до непод-

дельного ужаса. Ли Чен смотрел на нее с благоговением и страхом, будто видел живую легенду и жертву одновременно. Лейтенант Горский и его люди стояли по стойке «мирно», позы неестественно напряженны, руки то и дело тянулись поправить несуществующее оружие – на самой станции его не держали.

Ева подошла к ней и положила руку на плечо скафандра. Жест показался и тяжелым, и ободряющим.

– Правила просты. Пятнадцать минут. Не больше. Если сердцевина не реагирует – выходишь. Реагирует агрессивно – подаешь сигнал и выходишь немедленно. Твоя задача – не геройствовать или испытывать судьбу. Цель – получить данные. Понятно?

– Понятно, капитан.

Марко подошел вплотную. Он не стал снова говорить о рисках. Вместо этого он указал на ее запястье, где под прозрачным пластиком виднелись дополнительные, им же установленные кнопки.

– Добавил обратную связь. Если там станет слишком... интенсивно, твой скафандр начнет вибрировать. Сначала слабо, потом сильнее. Предупреждение. Не игнорируй его. Поняла?

В его голосе не звучало привычной насмешки. Лишь голая, неприкрытая тревога. Алекс кивнула, чувствуя ком в

горле.

– Спасибо, Марко.

Шлюз снова открылся, поглотив привычный гул станции и заменив звенящей тишиной космоса. На этот раз Алекс плыла одна. Вокруг – лишь бесконечная чернота и безмолвие, нарушаемое мерным, слишком громким звуком собственного дыхания в шлеме. «Раковина» лежала впереди, темным островом в море ничего. Вход в нее снова зиял черной дырой, но теперь Алекс знала – это не просто дыра. А порог. Она собиралась переступить его сознательно.

И переступила.

Внутри царила знакомая картина: голубое свечение в стенах, золотой пульсирующий шар в центре. Но атмосфера преобразилась. Не была спокойной. Словно ее *ожидала*. Кажется, само пространство затаило дыхание, наблюдая за приближением человека.

Алекс отключила магнитные ботинки, позволив невесомости нести ее к центру. Она двигалась медленно, плавно, стараясь не совершать резких движений. Щупальца с цветами на концах не шевелились. Они были направлены на нее. Все до одного. Сотни незрячих, но зорких «глаз» следили за каждым сантиметром тела.

Она остановилась в метре от светящейся сферы. Ее собственное искаженное отражение колыхалось в золотой поверхности, как в кривом зеркале.

– Я вернулась, – тихо сказала она, зная, что звук не пройдет через вакуум и скафандр. Но она говорила не себе. Только ему.

Алекс снова сняла толстую внешнюю перчатку. Тонкая умная ткань внутренней перчатки почти не служила преградой. Она медленно, ладонью вперед, словно протягивая мирный жест, двинула руку к свету.

Сфера вздохнула. Свет сгустился вокруг руки, мягкий и теплый. И снова в сознание хлынули образы. Но теперь не только всепоглощающая тоска. Проступили другие обрывки: вспышки чужого, багрового солнца, пейзажи из изогнутых, живых башен, чувство единства, связи с тысячами других существ... и затем – разрыв. Боль. Темнота. Бегство. Одиночество.

Это не выглядело связной историей, напоминая обрывки последних воспоминаний умирающего.

Алекс почувствовала, как по щекам текут горячие слезы. Она не могла их смахнуть внутри шлема.

– Понимаю, – прошептала она, сдавленным от эмоций голосом. – Ты потерял дом. И ты абсолютно один.

И тогда случилось нечто новое. Свет не просто окружил ее руку. Он *вошел* в нее. Тончайшая, невесомая нить золотой энергии протянулась от сферы к кончикам пальцев. Алекс почувствовала странное, глубокое давление, будто руку погрузили в теплую, плотную воду.

В сознании зазвучал Голос. Даже не он. *Присутствие.* Древнее, усталое, исполненное тихой, почти невероятной радости.

«Ты... слышишь. Ты не просто биомасса. Ты – сознание. Индивидуум. Редкое. Ценное».

Мысли приходили не словами, а целыми концепциями, готовыми пакетами чувств, смыслов.

«Мой вид... исчез. Превратил себя в семена. В память. Надежду. Мы искали не новую планету, а новых... садовников.»

– Садовников? – мысленно спросила Алекс, удерживая связь.

«Тот, кто хранит. Кто лелеет жизнь. В любых формах. Ты... хранишь?»

Образы из ее собственной памяти всплыли непрошено, вытянутые этим присутствием: она, маленькая девочка, сажает с отцом дубок возле дома. Затем, студентка, склонившись над микроскопом, зачарованная сложной красотой инфузории. И вот уже взрослая на «Орфее», пытающаяся понять ледяные океаны Европы, не нарушая их хрупкий, чужой баланс.

Сфера, казалось, *взглянула* на эти воспоминания. И ответила волной тихого, почти благоговейного одобрения.

«Да. В тебе есть семя. Маленькое. Но оно есть. Ты мо-

жешь... понять».

Внезапно давление усилилось. Золотая нить стала ярче, ошутимее. Теперь это был не просто контакт. Это превратилось в *поток*. В голове у Алекс зазвучал нарастающий гул, будто внутри черепа пронесся ураган из чужих знаний: принципы биологической архитектуры, способы хранения памяти в ДНК, философия симбиоза, отголоски истории великой расы... Информация ослепляла, захлестывала, причиняла почти физическую боль.

На запястье скафандра, как и предупреждал Марко, зажглась тревожная красная лампочка и началась вибрация. Сначала слабая, потом сильнее. Предупреждение: стресс организма за критической чертой.

Но Алекс не могла оторваться. Это оказалось слишком важно. Она должна понять больше.

«Возьми, – звучало присутствие, и в его «голосе» теперь слышалась спешка, отчаянная, необходимая спешка. – Возьми знание нашей расы. Лиран. Стань мостом. Скажи твоему виду... мы не хотели завоевывать. Мы хотели... делиться. Сохранять».

Поток превратился в водопад. Алекс закричала, но звук потерялся в шлеме. Ее тело выгнулось в спазме. В глазах потемнело, поплыли радужные круги.

И тут что-то изменилось. В ней самой.

Тот голубой узор на запястье, до сих пор едва заметный, вспыхнул ярким, сапфировым светом. Он пополз вверх по

руке, к плечу, шее. И вместе с ним по телу разлилось странное, ледяное спокойствие. Ее собственный мозг, перегруженный чужими данными, вдруг... *перестроился*. Словно нашлась дополнительная оперативная память. Гул стих, боль отступила, сменившись ясной, упорядоченной прохладой. Она все еще чувствовала поток информации, но теперь он систематизировался, становился частью ее.

Это действие происходило не от скафандра. И не от «Раковины». Это шло изнутри. Из чего-то, что проснулось и теперь помогало справиться.

«А... – удивилось присутствие. – Ты уже меняешься. Быстрее, чем я думал. Хорошо. Очень хорошо».

Золотая нить оборвалась. Свет сферы погас до тусклого, усталого свечения. Присутствие в ее голове стало слабым, едва уловимым, будто свеча на ветру.

«Устал... Дал, что мог. Остальное... внутри тебя теперь. Прорастет. Стань тем, кем должна. Садовником. Мостом...»

И затем – тишина. Ментальная. Чужой голос умолк.

Алекс тяжело дышала, вися в невесомости. Ее рука, все еще протянутая вперед, покрылась сложным, красивым, светящимся изнутри голубым узором. Он пульсировал в такт сердцу. Но теперь сердцебиение стало... медленнее. Глубже. И в голове стояла необычайная, кристальная ясность. Она *помнила* обрывки знаний. Принципы. Обещания. И боль.

Алекс оттянула руку. Сфера не среагировала. «Раковина» снова замолчала. Но на этот раз Алекс знала – это не пауза. Финал. Пилот расы Лиран, как он себя обозначил, передал то, что мог. Его миссия завершилась.

Она развернулась и поплыла к выходу, к свету шлюза «Орфея». Ее движения обрели новую, странную грацию – плавные, точные, будто она делала это тысячу раз.

Когда внутренний шлюз закрылся за ней, и началась откачка воздуха, она услышала голоса, кричащие что-то. Увидела лица, искаженные ужасом и непониманием. Марко рванулся к ней, но его держали двое техников.

Алекс подняла руку, чтобы снять шлем. И все замерли.

Голубой узор теперь видели все. Он покрывал не только руку, но и шею, поднимался к вискам, словно ветви древнего, светящегося дерева. И в полумраке шлюзовой камеры он мягко, но неоспоримо светился.

– Алекс... – выдохнул Марко. – Боже правый... что с тобой сделали?

Алекс отстегнула шлем и сняла его. Воздух станции пах знакомо: старым пластиком и кофе. Но теперь она уловила в нем тысячи других оттенков – едкий запах страха людей, сладковатый аромат дрожжей из биологической лаборатории, тончайшую пыль в фильтрах. Чувства обострились до болезненной, невероятной остроты.

Она посмотрела на Марко, Еву, всех остальных. И улыбнулась. Улыбка была ее, но в ней жило что-то новое. Спо-

койная, непоколебимая уверенность.

– Он ничего не сделал, Марко, – сказала она, и голос звучал ровно, почти мелодично, без тени прежней нервозности. – Он дал подарок. И предупреждение. Нам нужно поговорить. Всем. Пока не стало слишком поздно.

ГЛАВА 6: ПЕРВЫЕ РОСТКИ

В медотсеке воцарилась гробовая, давящая тишина. Доктор Волков водил медицинским сканером над рукой Алекс, покрытой светящимся, будто подкожной неоновой вывеской, узором. На экране возникали трехмерные модели ее сосудов, нервных окончаний, мышечных волокон. Все выглядело в норме. Кроме самого узора.

– Это не поверхностная пигментация, – бормотал Волков, его профессиональное, стоическое спокойствие дало глубокую трещину. – И не грибок. Это... биолюминесценция. Излучение исходит из глубоких слоев дермы. Как будто... в клетках кожи появились новые, неизвестные органеллы. Микроскопические светящиеся структуры. Они интегрированы в ткань.

– Интегрированы? – переспросил Марко. Он стоял у двери, скрестив руки, будто пытаясь отгородиться от происходящего физическим барьером. – Значит, они в ней навсегда?

– Пока все данные указывают на это, – Волков отложил сканер и посмотрел на Алекс, сидевшую на кушетке с невозмутимым, почти отрешенным спокойствием. – Как вы себя

чувствуете? Физически.

– Хорошо, – ответила Алекс. – Лучше, чем хорошо. Я... я все слышу. И вижу.

– Что именно? – в разговор вступила Ева, стоявшая рядом, наблюдая за каждым ее движением, изменением выражения лица.

– Все. Шепот в системе вентиляции – не звук, а вибрацию потока. Микровибрации в полу от работы генераторов, будто они разговаривают на своем языке. Я могу... различать сердцебиение каждого в этой комнате. На слух. И не только сердцебиение.

Марко выругался себе под нос.

– Отлично. Суперслух. А что насчет этой... информации, что он в тебя закачал? Ты теперь знаешь, как построить живую ракету?

Алекс покачала головой, движение было плавным, естественно точным.

– Нет. Это не готовые чертежи. Это... фундамент. Принципы. Как если бы тебе объяснили, что такое огонь, но не дали спичек. Я чувствую... понимание. Как биологические системы могут хранить данные, как адаптируются. И я чувствую его. Лирана. Так он себя называет. Его тоску. Надежду. Она посмотрела на светящийся узор.

– И я чувствую это. Как часть связи. ... Антенна. Или якорь.

– Якорь? – уточнила Ева, подходя ближе.

– Он сказал: «Стань мостом». Мост должен быть закреплен с двух сторон. Этот узор... он закрепляет знание во мне. А меня... – она запнулась, подбирая слова, – меня он закрепляет в чем-то большем. В сети. Памяти его вида.

Волков подошел к компьютеру и вызвал результаты биохимического анализа ее крови за последние сутки.

– Вот, смотрите, – он показал на график. – Уровень лейкоцитов и специфических иммунных маркеров зашкаливает. Ее организм ведет борьбу. Но не с инфекцией. Он... перестраивается. На клеточном уровне. Это не болезнь. Похоже на ускоренную эволюцию. В миллионы раз быстрее естественной.

– Мы должны ее изолировать, – твердо сказал лейтенант Горский, до сих пор молча наблюдавший из угла. – Пока не поймем, заразно ли это. Она опасна для экипажа...

– Это не заразно, лейтенант, – Алекс посмотрела на него, и во взгляде снова появилась та странная глубина, которая пугала больше всего. – Это был сознательный акт. Передача. Для него требовался контакт на уровне... сознания. Он выбрал меня.

– Почему тебя? – спросил Марко, не сводя с нее глаз.

– Потому что я слушала, – просто ответила Алекс. – Все

остальные боялись. Ты хотел все контролировать. Военные – уничтожить. А я... я открылась. И он это увидел.

Внезапно в медотсек ворвался запыхавшийся Ли Чен.

– Капитан! Доктор Стивенс! В лаборатории... с образцами... вам нужно это видеть!

Когда они вбежали в лабораторию, первой их встретила перекошенная гримаса техника, дежурившего у бокса с биологическими образцами. Внутри бокса царил тихий, но неоспоримый хаос.

Образец номер три, тот самый, что поместили в питательную среду, имитирующую кровь, исчез. Вернее, не исчез – *растворился*. Раствор в чашке Петри стал мутно-розовым и, казалось, двигался сам по себе, переливаясь, пульсируя. Но это было не самое странное.

Образец номер два, лежавший на сухом лабораторном стекле, *пустил корни*. Тончайшие, почти невидимые невооруженным глазом нити проросли сквозь микроскопические неровности стекла и внедрились в сам стол. А на его поверхности расцвел крошечный, нежный «цветок» из той же полупрозрачной ткани, что и щупальца в «Раковине».

– Это произошло минут десять назад, – задыхаясь, объяснил Ли Чен. – Одновременно. Будто по сигналу.

Все повернулись к Алекс. Узор на ее руке в тот момент мягко пульсировал, словно в такт невидимому сердцу.

– Не по сигналу, – тихо сказала она. – По резонансу. Когда Лиран закончил передачу... связь установилась окончательно... Все биологические фрагменты откликнулись... Проснулись окончательно.

Ева подошла к боксу и пристально, без страха, с холодным интересом командира, изучила «цветок».

– И что теперь? Они продолжают расти? Захватят станцию?

– Нет, – покачала головой Алекс. Она подошла ближе и, к ужасу присутствующих, прикоснулась пальцем к прозрачной стенке бокса прямо напротив «цветка». – Они не агрессивны. Они... ищут. Образец в растворе ищет, как взаимодействовать с жидкой средой. Этот – как закрепиться на твердой поверхности. Они учатся. Наш мир для них – новая среда обитания. И они адаптируются.

Марко смотрел на нее, на ее уверенность, на светящийся узор. И впервые за все время не нашел в себе сил для сарказма или гнева. Его охватил холодный, рациональный ужас.

– Алекс, – сказал он тихо, но так, что все услышали. – Ты говоришь «они». Но часть этого «они» теперь в тебе. Ты чувствуешь?

Алекс отвела руку от бокса и посмотрела на него. В ее глазах плескалось странное сочетание: прежней, знакомой ему любознательности и чего-то нового и всевидящего.

– Чувствую, Марко. Я не перестала быть собой. Но я... расширилась. Как если бы тебе дали новое чувство, которого никогда не было. Ты все еще ты. Но мир становится другим.

Внезапно она вздрогнула и прижала ладони к вискам, зажмурившись.

– Что такое? – насторожилась Ева.

– Крики, – прошептала Алекс. – Далекие... полные страха и гнева...

– Какие крики? Здесь все тихо! – оглянулся Марко, в лаборатории царил мертвая тишина, нарушаемая лишь писком приборов.

Алекс открыла глаза. Широкие, полные неподдельного шока.

– Не здесь. На «Гефесте». Они получили наши данные... и приказ с Земли. Им приказали... подготовиться к уничтожению объекта. «Очистка зоны». У них есть шесть часов на эвакуацию несущественного персонала.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Все смотрели на нее. На светящийся узор, лицо, которое теперь могло слышать мысли и приказы, отдаваемые за много метров, сквозь корпуса кораблей и слои брони.

Лейтенант Горский первый пришел в себя. Он рванулся к стене, к внутреннему коммуникатору.

– «Орфей», «Гефест», немедленное подтверждение! Капитан Ковальски запрашивает...

– Не нужно, – перебила его Алекс. Ее голос прозвучал устало. – Они уже знают, что мы знаем. Канал открыт. Слышат нас. А я... я слышу их адмирала на Земле. Он говорит... «Артефакт представляет неопишущую угрозу биологической безопасности человечества. Нейтрализовать любой ценой».

Она посмотрела на Еву. В ее глазах больше не было страха. Лишь холодная, отточенная решимость.

– Капитан. У нас нет шести часов. Возможно, нет и одного. Они не станут ждать. «Раковина»... Лиран... он не угроза. Но если они начнут стрелять, он будет защищаться. И мы все окажемся в эпицентре войны, которую не сможем понять.

Ева Ковальски медленно выпрямилась. Она посмотрела на светящийся узор Алекс, на безумный, прекрасный «цветок» в боксе, бледные, искаженные тревогой лица своего экипажа. Она их капитан. И сейчас ей предстояло принять самое важное решение в жизни. Для своего корабля. Людей, вверенных ей.

– Горский, – сказала она, и голос зазвучал, как удар стали о камень. – Соберите своих людей. Вы отвечаете за эвакуацию в спасательных капсулах по тревоге. Реннер.

– Да, капитан, – отозвался Марко, в его голосе тоже появилась сталь. Он понял. Они остаются.

– Мы с вами и доктором Стивенс идем в центр управления. Попробуем поговорить с «Гефестом». А потом... – она сделала паузу, и в ней повисла тяжесть грядущего выбора, – потом мы решим, что делать с нашим «пассажиром».

Она бросила последний взгляд на «цветок» в боксе. Тот слегка качнулся, будто почувствовал на себе взгляд. Или приближение бури, которую все теперь видели на горизонте.

ГЛАВА 7: ШЕСТЬ ЧАСОВ

Центр управления «Орфея» напоминал растревоженный, но молчаливый улей. На главном экране мерцало лицо капитана «Гефеста» – сурового мужчины лет пятидесяти с щеткой седых волос и глазами, словно высеченными из льда. Мазуров.

– Капитан Ковальски, эвакуационный протокол активирован, – его голос лился из динамиков ровно, без эмоций, как диктовка инструкции. – У вас есть шесть часов, чтобы погрузить в капсулы весь научный персонал и несущественные экипажи. «Орфей» будет отбуксирован на безопасное расстояние.

Ева стояла перед экраном, выпрямившись, руки за спиной.

– Капитан Мазуров, я протестую. Объект не проявляет

признаков агрессии. У нас веские основания полагать, что он представляет собой носитель знаний, а не оружие.

– Ваши «основания», капитан, – холодно парировал Мазуров, – сводятся к данным о биологическом заражении одного из ваших ученых и неконтролируемой мутации образцов. У Совета иная интерпретация. Это оружие биологического поражения, способное к самовоспроизведению и адаптации. Оно подлежит уничтожению. Таков приказ.

– Но...

– Приказ не обсуждается, Ковальски. Шесть часов. «Гефест» начинает подготовку к залпу. Мазуров, конец связи.

Экран погас, оставив после себя лишь отражение бледных лиц команды. В комнате повисла густая, тяжелая тишина, нарушаемая назойливым писком какого-то датчика.

– Ну что, «поговорили», – мрачно констатировал Марко. Он уже сидел у своей консоли, пальцы летали по клавишам, выводя на подэкранные мониторы схемы и графики. – Теперь они точно знают, что мы будем тянуть время. И готовятся.

– Что делаешь? – спросила Ева, не отрывая взгляда от черного экрана.

– То, что должен. Готовлю «Орфей» к возможному буксиру. Или к тому, чтобы дать по газам, если придется. Двигатели у нас слабые, но если «Гефест» начнет стрелять, лучше быть подальше.

Алекс стояла у иллюминатора, глядя на «Раковину». Узор

на руке светился ровным, спокойным светом, будто маленький маячок в полутьме.

– Он спит, – тихо сказала она. – Или медитирует. Передача истощила его. Он не почувствует угрозу, пока не станет слишком поздно.

– Значит, нужно его разбудить? – спросила Ева. – Предупредить?

– Нет! – резко обернулся Марко. – Если он воспримет военный корабль как угрозу и ответит... мы окажемся между молотом и наковальней. Нам нужно убрать «Орфей» с линии огня. И убрать.... это, – он кивнул в сторону «Раковины».

– Как? – Ева посмотрела на него. – Ты же сам говорил, мы не знаем, как ее двигать.

– А может, и не нужно двигать целиком, – сказала Алекс. Все посмотрели на нее. Она повернулась от иллюминатора, ее глаза в свете приборов казались слишком яркими, глубокими. – Лиран говорил о «семени». Ядре. Памяти. Может, важна только центральная часть? То самое «сердце»? Если мы... я... смогу установить с ним стабильную связь, попросить... свернуть активность? Сконцентрировать суть в ядре? А оболочку... оставить?

– В качестве мишени? – уловил мысль Марко. – Чтобы «Гефест» разрушил пустую скорлупу, думая, что уничтожил угрозу? А мы тем временем унесем ядро?

– Это обман, – сказала Ева. Ее лицо было непроницае-

мым. – Мятеж. Прямое нарушение приказа.

– Это спасение открытия, капитан, – тихо, но твердо сказала Алекс. – И, возможно, спасение нас всех. Если «Гефест» выстрелит в активную «Раковину», последствия могут оказаться хуже, чем мы можем представить.

Ева закрыла глаза. Она чувствовала тяжесть погон на плечах, вес присяги, долга перед Землей. И она понимала тяжесть ответственности за двадцать семь жизней на «Орфее» и за то древнее, одинокое сознание там, в темноте, которое искало только понимания.

– Реннер, – открыв глаза, сказала она. – Смоделируй. Если «Гефест» использует стандартные кинетические снаряды, каков радиус поражения? Успеем ли мы отойти на безопасное расстояние за шесть часов?

Марко уже вбивал данные, его лицо освещалось мерцанием экрана.

– Без буксира? Едва. На самой грани. Если они решат применить что-то посерьезнее, чтобы быть уверенными... мы окажемся в эпицентре.

Решение созрело.

– Хорошо, – Ева глубоко вдохнула, будто набирая воздух перед прыжком в ледяную воду. – Вот что сделаем. Выполняем приказ. Частично. Горский эвакуирует всех, кто не нужен для маневра, в капсулы. Они отстыковываются и отхо-

дят к «Гефесту». Это покажет наше «сотрудничество». На борту остаемся я, Реннер, Стивенс и минимальная команда для управления станцией. Готовим «Орфей» к отходу.

– А «Раковина»? – спросил Марко, не отрываясь от расчетов.

– Алекс, – Ева посмотрела на нее. – У тебя есть три часа. Попробуй установить связь с ядром. Объясни ситуацию. Попроси его... сжаться. Отделить ценную часть. Если он сможет и согласится – мы попробуем забрать ядро. Если нет... – она не договорила.

– Если нет, мы уходим ни с чем, – закончил Марко. – И даем «Гефесту» сделать свою работу.

Алекс кивнула. Она понимала ставки. И направилась к выходу.

– Куда ты? – остановил ее Марко.

– В шлюз. Мне нужен прямой контакт. Без скафандра на этот раз.

– Ты с ума сошла! Вакуум...

– Не вакуум, – поправила его Алекс. – Там есть атмосфера. Дышащая. Лиран создал ее для контакта. И мне нужно убрать все преграды. Время кончилось, Марко. Стоит поговорить начистоту.

Ева с минуту смотрела на нее, затем кивнула – коротко, резко.

– Иди. Но будь на связи. Если что-то пойдет не так... мы

вытащим тебя. Если сможем.

Когда Алекс ушла, Марко обернулся к Еве.

– Вы верите, что это работает? Эта... штука ее послушает?

– Я верю, что у нас нет другого выбора, Реннер. И я верю в свою команду. В том числе и в ту ее часть, которая теперь светится. Готовьте станцию к отходу. Я пойду успокаивать экипаж и помогать Горскому с эвакуацией.

Через двадцать минут Алекс снова стояла перед входом в «Раковину». На этот раз на ней был только легкий, облегчающий комбинезон из умной ткани, а шлем с подачей воздуха она держала в руках – последняя страховка на случай, если атмосфера внутри окажется иллюзией. Ева разрешила это безумие только после того, как дистанционные датчики подтвердили: состав воздуха внутри стабилен, безопасен и насыщен кислородом.

Она переступила порог. Теплый, влажный воздух пахнул чем-то неуловимо чужим, древним. Голубые прожилки в стенах засветились приветственно, будто узнавая ее. Она прошла в центр к золотому сердцу. Оно пульсировало слабее, чем раньше, будто после тяжелого усилия.

Алекс села на корточки, оказавшись на одном уровне с ядром. Не стала протягивать руку. Просто смотрела.

– Лиран, – сказала она вслух, голос, непривычный без шлема, прозвучал в странной акустике пещеры. – Мне нужно поговорить с тобой.

Свет в ядре вспыхнул чуть ярче. Присутствие в сознании отозвалось слабым, усталым, но узнающим приветствием.

«Садовник... Вернулась».

– У нас мало времени. Люди... мой вид... они боятся тебя. Корабль войны на орбите. Он собирается уничтожить эту оболочку.

Волна грусти, глубокой, как космическая пустота, прокатилась через связь.

«Понимаю... Страх... Часто ведет к разрушению. Это знак... незрелости вида».

– Да. Но сейчас нет времени на уроки. Ты можешь... отделиться? Сконцентрировать то, что важно – твою память, сознание – в этом ядре? И позволить внешней оболочке быть разрушенной?

Присутствие задумалось. Казалось, оно смотрело внутрь себя, оценивая возможности, просчитывая варианты с холодной, чужой логикой.

«Оболочка... лишь сосуд. Защита. Ядро... может быть компактным. Но для извлечения... нужен контакт. Пол-

ный. Риск для садовника».

– Какой риск?

«Чтобы взять... нужно принять. Полностью. Связь станет постоянной. Необратимой. Ты станешь... хранилищем. Библиотекарем. Твоя биология... изменится окончательно».

Алекс посмотрела на светящийся узор на своей руке. Он уже был частью нее.

– А если не приму?

«Ядро останется здесь. Его разрушат. Знание умрет. Надежда исчезнет».

Тишина. Алекс слышала тиканье воображаемых часов в голове. Шесть часов. Уже прошло больше двух.

– Что мне нужно сделать?

«Коснуться. И не отпускать. Взять на себя груз. Я помогу... но путь будет болезненным. Твое тело... станет сопротивляться».

Алекс глубоко вдохнула. Она подумала о Марко, с его вечным ворчанием и спрятанной за ним преданностью. О Еве, несущей тяжесть командования. О людях на «Орфее». И о том одиноком огоньке в темноте, который искал садовника и нашел ее.

– Я готова.

Она протянула руку и положила ладонь на теплую, пульсирующую поверхность ядра.

На этот раз боль пришла сразу. Острая, жгучая, как будто в каждую клетку ее тела вгоняли раскаленные иглы. Она вскрикнула, но не отдернула руку. Свет из ядра захлестнул ее, золотой и яростный, поток чистых данных и чужой жизни. Голубой узор на коже вспыхнул ослепительно белым, превратившись в паутину молний, бегущих по всему телу. Кости ныли, будто перестраиваясь. Мускулы дергались в судорогах.

В голове грохотало. Загружались сами *основы*. Структура ДНК далекой неведомой расы. Архитектура памяти. История, их поражение, тихая надежда. Это было слишком. Слишком много, чересчур быстро.

«*Держись, Садовник...*» – голос Лирана звучал где-то далеко, пробиваясь сквозь гул, как крик через ураган.

Алекс чувствовала, как кости ноют, будто перестраиваясь. Мускулы дергались в судорогах. Она упала на колени, но рука оставалась прижатой к ядру, будто приклеенная.

И тут она услышала другой голос. Не Лирана. Более примитивный, инстинктивный. Голос самой «Раковины». Оболочки. Он был полон страха и ярости. Не хотел умирать. Он чувствовал приближающуюся угрозу снаружи и теперь воспринимал Алекс как угрозу – вора, крадущего его душу.

Из темноты выползли щупальца – толстые, покрытые шипами, темные, как ночь. Они потянулись к ней со всех сто-

рон.

В наушнике, встроенном прямо в ушной канал, раздался дикий крик Марко:

– Алекс! Твои датчики показывают невероятный стресс! Там что-то двигается! Выдергивай руку! Сейчас же!

Но она не реагировала, поскольку была ошеломлена болью и невероятным потоком данных. Она могла только смотреть, как шипастые щупальца ползут к ней, готовясь разорвать в клочья.

Внезапно золотой свет из ядра рванулся наружу, ударив по ближайшим щупальцам. Они обуглились и отдернулись с шипением, будто от пламени. Лиран защищал ее. Но его силы казались на исходе. Щупалец было много.

«Концентрация... почти закончена, – прошептало присутствие, еле слышно. – Еще немного...»

Алекс зажмурилась, стиснув зубы. Боль стала невыносимой. Она чувствовала, как что-то внутри ломается и собирается заново. И в этот момент самый страшный кошмар Марко стал явью.

Она почувствовала, как меняется не только тело. Трансформировалось ее *понимание*. Страх перед щупальцами утих, сменившись... жалостью. Это была не злоба. Инстинкт самосохранения простого организма, который не понимал, что его жертва – спасение.

И в ее сознании, рядом с отчаянными криками Марко, за-

звучал новый, тихий голос. Голос «Орфея». Жалобный писк перегруженного фильтра. Усталое гудение двигателей. Станция словно ожила в ее голове. Она была ранена. Очень напугана.

– Алекс! Отвечай! – орал Марко.

Она открыла рот, чтобы ответить. Но из горла вырвался странный звук, похожий на шипение статики, смешанной со щелчком невиданных птиц и скрежетом камня. Язык. Чужой. Ужасный.

И в этот миг связь оборвалась.

Боль исчезла. Свет погас. Рука сама отпала от ядра, которое теперь стало тускло-серым, размером с грейпфрут. Оно лежало у ног, инертное, холодное.

Щупальца вокруг замерли, будто дезориентированные. Потом медленно поползли назад, в темноту, шипы поникли.

Алекс лежала на теплом полу, тяжело дыша. Ее тело, по-прежнему, болело, но боль стала какой-то привычной, фоновой. Она подняла руку. Узор теперь покрывал ее полностью, от кончиков пальцев до ключиц, светясь мягким, ровным, внутренним светом. И она *знала*. Библиотека Лиран была внутри, полностью загружена. И двери в нее теперь открыты.

В наушнике снова послышался голос Марко, теперь он звучал иначе. Она слышала не только его слова. Бешеный стук сердца, сухой привкус страха во рту, холодную дрожь в пальцах.

– Алекс, ради всего святого! «Гефест» только что объявил! У нас не шесть часов! Только один! Они ускоряют подготовку! Что там происходит?!

Алекс с трудом поднялась на ноги. Движения были странно плавными, точными, будто ею управлял другой разум. Она подняла серое ядро. Оно оказалось легким, как перо, теплым, живым. Она прижала его к груди.

– Марко, – сказала она, голос прозвучал хрипло, с новой, железной четкостью. – Я иду. Готовьте шлюз. И приготовься. Нам нужно бежать. Сейчас.

ГЛАВА 8: БЕГСТВО

Шлюзовая камера «Орфея» встретила Алекс хаосом. Воздух выл, уходя в отстыкованный переходный тоннель, его рваные порывы бились о стены, словно призраки, не желавшие пускать ее в последнее убежище. Красный аварийный свет пульсировал, отбрасывая на всё прыгающие, нервные тени. Внутренняя дверь зияла распахнутой пастью, и Марко Реннер втащил ее внутрь почти силой. Его движения, обычно такие точные и выверенные, стали резкими, отточенными чистым адреналином. В свете тревожных ламп лицо казалось высеченным из бледного камня – скулы напряжены, челюсти сжаты, а в темных глазах бушевала буря из ужаса, ярости и... облегчения. Она жива. Пока что.

– Где ты была?! – голос Марко пробился сквозь вой уходящего воздуха, хриплый и разодранный. Он схватил ее за

плечи, пальцы впились в ткань комбинезона. Но тут же отдернул руку, будто коснулся раскаленного металла. Нет, это было что-то иное – пульсирующее, живое тепло, исходившее от ее кожи сквозь материал. – Один час! У нас один чертов час, а ты... – Его слова застряли в горле. Взгляд упал на серое ядро, прижатое к груди Алекс с материнской, защищающей нежностью, а затем скользнул по рукам, шее, лицу. Кожа под светом аварийных ламп мерцала. Изнутри, будто под тончайшим фарфором, текли и переплетались реки холодного голубого света, складываясь в невысказанные, живые узоры. Это выглядело одновременно прекрасно и чудовищно. Его голос сорвался на шепот, в котором ярость растворилась, уступив место леденящему, первобытному страху. – Боже правый... Алекс, что ты с собой сделала?

Алекс покачала головой. Попытка вдохнуть полной грудью обернулась спазмом где-то глубоко внутри. Каждое движение, поворот суставов отзывался странной, глубокой болью – не острой, как от травмы, а тупой и переливающейся. Будто все мышцы, кости, даже внутренние органы усваивали новую, непривычную форму, перестраиваясь на ходу под тихий, настойчивый шепот ядра у ее сердца.

– Не я... – она выдохнула, голос звучал чужим, будто пропущенным сквозь слои воды и песка. – Он. Ядро. Память. Остальное... оболочка. Она умрет. Мы должны уходить. Сейчас. Прямо сейчас.

Она увидела, как в глазах Марко происходит борьба. Ин-

женер, привыкший к логике и фактам, сталкивался с чем-то за их гранью. Но пилот, солдат в душе, услышал в ее тоне ту самую ноту абсолютной, неоспоримой истины, которую игнорировали только на свой страх и риск.

– Капитан на мостике, – выдохнул он, наконец, снова хватая ее под локоть, но теперь осторожно, будто вел хрупкую реликвию. – «Гефест» вышел на связь. Они видят активность на «Раковине» – их датчики засекли энергетический всплеск, когда ты... – он запнулся, – когда там что-то произошло. Они считают это подготовкой к атаке. Запуск через сорок минут. Меньше.

– Сорок? – у Алекс перехватило дыхание от стремительности, с которой мир рушился вокруг. Они рванули по узкому, знакомому до последней заклепки коридору, но теперь тот казался чужим, враждебным. Новые чувства, распахнутые настежь, обрушили на нее лавину ощущений. Теперь она слышала не просто гул вентиляции. Его тон, напряжение в моторчиках, слабое трение подшипников. Слышала учащенный, лихорадочный пульс Марко, стучавший где-то рядом, как маленький барабанчик паники. И сквозь все это – тихий, жалобный гул, исходивший из самых глубин каркаса «Орфея». Эмоциональный. Гул страха станции, ее металлических нервов, содрогающихся от близкой угрозы.

Они ворвались в центр управления, и свет с главного экрана ударил Алекс в глаза, заставив на миг замереть. Ева Ковальски стояла спиной к ним, неподвижная, как статуя.

Ее фигура, обычно такая собранная и энергичная, казалась немного ссутулившейся под невидимым грузом. На экране наблюдалась жесткая геометрия: крошечная, беззащитная точка «Орфея», сфера «Раковины» и отполированный до блеска силуэт «Гефеста». На силуэте мигали кроваво-красные метки – активные системы целеуказания и оружия.

– Стивенс, – не оборачиваясь, сказала Ева. Ее голос был не усталым, а выжженным, будто все эмоции сгорели, оставив только голые, твердые угли. – Вы живы. И принесли сувенир.

– Это не сувенир, капитан, – Алекс сделала шаг вперед, все еще прижимая к себе теплое, словно живое, ядро. Оно откликалось на сердцебиение, пульсируя в такт. – Это Лиран. Его суть. Память. Оболочка... она скоро станет мишенью. И умрет.

– Я знаю, – тихо кивнула Ева, наконец поворачиваясь. В ее глазах, запавших от недосыпа, исчезла привычная острота. Только пустая, бездонная усталость и принятие. – Мы мониторим. Ее биологическая активность затухает стремительно. Но «Гефест» это уже не волнует. Они видят угрозу и готовы ее устранить. Наш уход они расценят не как эвакуацию. Как предательство. Бегство с поля боя. – Она обвела взглядом тесную рубку, словно в последний раз рассматривая каждый экран, каждый рычаг. – У нас не будет дома, Алекс. Ни на Земле, ни где бы то ни было. После этого... мы станем призраками.

– У нас есть «Орфей», – жестко, почти вызывающе сказал Марко, уже занимая место у консоли управления двигателями. Его пальцы пробежали по клавишам, запуская предварительные последовательности. – И, кажется, пассажир. Куда летим, капитан? В никуда? Или в ад?

Ева посмотрела на Алекса. Не на лицо, а на светящийся узор, на камень в ее руках. В глазах капитана вспыхнула последняя искра — решимость. Тяжесть выбора уже легла на плечи, и теперь нужно просто нести ее.

– В никуда, Реннер. Прочь от линии огня. Максимальная тяга. Используй гравитацию Юпитера как рогатку. Расчет на твоей консоли. Как только «Гефест» даст залп, мы должны быть уже в тени, как можно дальше. Никаких геройств. Только скорость.

– А если они выстрелят в нас? – вопрос прозвучал тихо, почти стыдливо. Его задал пилот Шаров, худощавый мужчина, чье лицо всегда казалось немного нервным, а сейчас и вовсе напоминало восковую маску. Щека дергалась мелкой, неконтролируемой дрожью. – Просто... на всякий случай. Чтобы свидетелей не осталось.

Ева посмотрела на него прямо, без укора.

– Тогда мы умрем, лейтенант. Быстро и, надеюсь, не осознав этого. – Она сказала это так просто, будто обсуждала вероятность дождя. – Но я не думаю, что они будут... Мы для них – свидетели, да. Но в первую очередь – потенци-

альные носители заразы. Они предпочтут стерилизовать все разом, уничтожив «Раковину». У нас есть окно. Маленькое, как игольное ушко.

Марко застучал по клавишам, его пальцы, казалось, обрели собственную жизнь.

– Двигатели на прогрев. Инерционные компенсаторы на максимум, но они все равно не справятся. Пристегнитесь, будет трясти так, что зубы выбьет. – Он бросил взгляд на Алекс, и в его глазах на миг промелькнуло что-то почти нежное, прежде чем смениться профессиональной строгостью. – И тебя тоже касается, светлячок. Садись и держись. Если отпустишь этот камень – лучше в шлюз его выбрось, поняла?

Алекс опустилась в кресло рядом с ним, все еще не выпуская ядро. Пряжка ремней щелкнула, холодным металлом пригвоздив к креслу, к судьбе, к этому безумному бегству. В тот самый миг по станции прошел глубокий, низкочастотный гул. Звук снаружи, от которого заледенела кровь. Знакомый по учениям звук раскрутки магнитных рельсовых ускорителей.

На экране «Гефест», плавный и бездушный, изменил ориентацию. Из его гладкого, похожего на хитиновый панцирь корпуса выдвинулись длинные, тонкие шипы.

– Они заряжаются, – прошептал Ли Чен, вцепившись в спинку кресла Шарова так, что костяшки пальцев побелели. Он не был военным, а только ученым, мечтавшим о звездах.

И теперь звезды отвечали ему холодным блеском оружия. – Кинетический снаряд. Сверхзвуковой.

– Наш выход, – голос Евы прозвучал как удар хлыста. – Реннер, давай! Все, что есть!

Марко рванул рычаги. «Орфей» содрогнулся, и привычный, почти убаюкивающий гул станции сменился нарастающим, яростным ревом, идущим из самых глубин. Их вдавило в кресла с силой, выжимающей воздух из легких. Алекс почувствовала, как ядро в руках стало горячим, будто откликаясь на приближающуюся опасность.

Они отрывались от «Раковины», но это не был стремительный побег. Скорее, медленная, мучительная агония. На экране расстояние между ними и гигантским биологическим артефактом увеличивалось с невыносимой, издевательской неторопливостью. Каждая секунда растягивалась в вечность.

– Еще минута до безопасной дистанции! – сквозь стиснутые зубы процедил Марко. Пот стекал у него по виску, падая на консоль. – Имей в виду, «безопасная» – понятие растяжимое!

– У них не будет минуты, – сказала Алекс, оторвав взгляд от экрана, гипнотизирующей танцующей графики и смотря в боковой иллюминатор. И видела не только корабли. В ее новом, расширенном восприятии пространство ожило. Энергетические поля, холодные и геометрически точные, исходящие от «Гефеста» и наводящиеся на «Раковину». Тупая, механическая решимость земного крейсера, запрограммиро-

ванного на уничтожение неведомого. И рядом – тихая, угасающая печаль «Раковины». Оболочка не просто умирала. Она понимала это. И принимала. В ее медленном, биологическом затухании не было сопротивления, только бесконечная, вселенская скорбь.

– Приготовиться к удару! – крикнула Ева, в ее голосе впервые прозвучало напряжение.

С экрана не донеслось ни звука. Космос оставался безмолвен. Пока они все не увидели вспышку. Яркую, короткую, как вспышку фотоаппарата в крошечной тьме, и такую же беспощадную. От «Гефеста» к «Раковине» метнулась тонкая, почти невидимая линия – призрак снаряда, летящего со скоростью, за гранью понимания. И затем...

«Раковина» не взорвалась. Не разлетелась на куски. Просто *схлопнулась*. Кинетический снаряд, несущий чудовищную энергию, прошел насквозь, оставив после себя идеально круглую дыру. И этого оказалось достаточно. Структура, миллионы лет державшаяся за счет тонкого баланса внутреннего напряжения и биологических связей, не выдержала, начав сжиматься, как проколотый воздушный шар, но в замедленной, ужасающе красивой съемке. Слои перламутровой ткани, толщиной в горы, рвались, скручивались, превращаясь в абстрактные скульптуры смерти. Голубое свечение, когда-то бившее в ее стенах жизнью, погасло разом, навсегда.

Волна органических обломков плоти, костей и нервной

ткани непостижимого существа хлынула в космос. Она разлеталась медленной, величественной дугой, сверкая в свете далекого Солнца обрывками перепонки и осколками биокристаллов.

– Ударная волна через пятнадцать секунд! – предупредил Марко, его руки превратились в размытое пятно над штурвалом. – Держитесь! Будет жестко!

«Орфей» содрогнулся, когда первая волна микрообломков и сжатого, выброшенного газа ударила в его корпус. Звук был похож на град из камней, бьющий по жестяной крыше, но умноженный в тысячу раз. Затрещали сигналы тревоги – повреждение внешних сенсоров, разрыв в одном из нежилых модулей, скачки напряжения. Но каркас, старый, надежный каркас, держался.

Алекс не отрывала глаз от иллюминатора. Она видела, как темная, сморщенная оболочка бывшей «Раковины» медленно вращалась, умирая в абсолютной, торжествующей тишине космоса. И в сознании, тихо, как последний выдох, прозвучал голос. Не Лирана. Оболочки. Той самой, что была домом, тюрьмой и могилой.

«Свобода... наконец-то... свобода от долга... Спи спокойно, садовник... Пусть твое семя найдет почву...»

И затем – тишина. Настоящая. Чужое, гигантское, витавшее вокруг них все эти недели присутствие, легкий гул в подсознании, исчезло. Остался только холодный, безразличный вакуум и медленно разлетающиеся обломки. Пустота стала

еще более пустой.

– Мы вне зоны непосредственного поражения, – доложил Марко, вытирая потный лоб тыльной стороной руки. Голос его был хриплым. – Двигатели работают. Летим. Только куда – хотел бы я знать.

– «Гефест»? – спросила Ева. Она тоже смотрела на экран, и ее лицо выглядело непроницаемым.

– Стоит на месте, – ответил Шаров, наклоняясь к радарам. – Сканирует обломки. Детально, метр за метром. И... да, наводит датчики на нас. Следят. Но не стреляют.

– Они проверяют, уничтожена ли угроза до конца, – прошептала Алекс, глядя на свое отражение в темном экране. В нем светились чужие узоры. – Они следят, чтобы мы не вернулись. Чтобы заражение не пошло назад.

Она посмотрела на ядро. Оно остыло, стало тяжелым и безжизненным, как обычный булыжник. Но где-то глубоко внутри, в новых, переплетенных нейронных путях ее собственного мозга, хранилась искра. Библиотека. Надежда. И страшная ответственность.

– Капитан, – сказал Марко, не отрываясь от показаний. – Какой курс? У нас осталось немного топлива, чтобы выйти на стабильную, никому не нужную орбиту вокруг какой-нибудь ледяной луны Юпитера. Сидеть там, пока запасы не кончатся. Или...

– Или лететь дальше, – закончила за него Ева. Она обернулась от экрана, и ее взгляд, тяжелый и усталый, снова упал

на Алекс. – Ты носитель. Что говорит твой пассажир? Есть ли у него... предпочтительное направление? Точка на карте? Или просто желание сгинуть подальше от людей?

Алекс закрыла глаза, отключив внешний шум. Она прислушалась к новым ощущениям внутри, тихому гулу данных, спавших в памяти. Это не выглядело как карта с координатами. Скорее, чувство. Тяга. Точнее – вектор. Как стрелка компаса, намертво залипшая на одном направлении. Где-то в глубине космоса, в стороне, где мерцала туманность Ориона, ждало что-то родственное. Не обязательно живое. Местоназначение. Конец пути, начавшегося миллионы лет назад.

– Орион, – тихо сказала она, открывая глаза. В них отразился холодный свет звезд. – Он ведет нас к Ориону. К Ковчегу.

– Ковчег? – переспросил Марко, в его голосе прозвучало недоверие, смешанное с горькой иронией. – Ноев ковчег? Плавающий зверинец?

– Хранилище, – уточнила Алекс, не обращая внимания на небрежный тон. – Знаний. Памяти. И, возможно... других таких же семян. Если он еще цел.

Ева медленно кивнула, будто внутренне что-то взвешивая и находя равновесие.

– Значит, наш выбор сделан. Мы не можем вернуться. «Орфей» теперь вне закона. Мы – мятежники, укравшие

инопланетный артефакт и сбежавшие с поля боя. Теперь путь только один – вперед. – Она обвела взглядом крошечную команду: изможденного Шарова, который выглядел как человек на грани нервного срыва; напуганного, но цепляющегося за научный метод как за спасательный круг Ли Чена, мрачного, загнанного в угол Марко; и Алекс, чье тело светилось в полутьме центра управления тихим, нечеловеческим светом. – Мы – экипаж «Орфея». Первоначальная миссия провалена. Новая начинается сейчас. Реннер, проложи курс. В сторону Ориона. Максимальная скорость на имеющемся топливе. У нас долгий, очень долгий путь.

Марко вздохнул, и в его вздохе послышалась как горечь, так и странное, робкое любопытство, пробивающееся сквозь усталость.

– Ладно. Летим в никуда, с призраком на борту, за нами по пятам двинулся наверное, уже весь земной флот, и с табличками «стрелять на поражение» на наших спинах. Просто чудесный, черт побери, день.

Его пальцы уже летали по клавишам, вводя новые координаты. «Орфей», потрепанный, с новыми шрамами на корпусе, но живой, плавно развернулся, оставив позади медленно остывающее облако органических обломков и холодный, немигающий, всевидящий глаз «Гефеста». И направился к внешним границам системы, в непроглядную темноту, где лишь мерцала далекая, туманная заплатка Ориона.

Алекс прижала холодное ядро к груди. Внутри нее, в новых узорах под кожей, тихо пела чужая память. Песня о потере, долгом одиночестве, невероятном пути домой. Колыбельная для одних и марш для других.

Их бегство, отчаянное и яростное, закончилось. Теперь начиналось путешествие. Путь в неизвестность, из которого, возможно, не было возврата.

ГЛАВА 9: ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ

Три недели спустя «Орфей» выглядел как призрачный корабль, плывущий по черной реке забвения. Он двигался в полном радиомолчании, с выключенными внешними маяками и транспондерами, питаясь от скудных крох аварийных батарей и редких, жадных глотков энергии от солнечных панелей. Панели теперь были развернуты не к далекому, родному Солнцу, а к тусклому, холодному свету Юпитера, который медленно уплывал за кормой, превращаясь в бледную, полосатую горошину. Внутри станции царил полутьма – экономный режим освещения оставлял в коридорах лишь островки тусклого света у аварийных люков. Воздух стал неподвижным, тяжелым, нарушаемым лишь монотонным гулом вентиляции да редкими, гулко отдающимися шагами по металлическим решеткам пола.

Алекс Стивенс стояла в пустой лаборатории, некогда бывшей сердцем их исследований, а теперь напоминавшей склеп. Она смотрела на свое отражение в темном, выключен-

ченном экране монитора. Узор, когда-то лишь голубые линии, похожие на вены, теперь покрывал ее, как кружевная, светящаяся татуировка. Он светился мягким, ровным светом, который не зависел от внешних источников. Это было ее собственное, внутреннее свечение, тихий биологический факел. И он менялся. Когда она сосредотачивалась на воспоминаниях – например, на схеме клеточного деления, – линии на ее предплечьях складывались в сложные, геометрические паттерны, напоминающие микросхемы или молекулярные структуры. Если мимо проходил кто-то из команды, вызывая легкую рябь беспокойства, узор начинал мягко пульсировать, как будто реагируя на эмоциональный фон.

Она была спокойна. Слишком спокойна. Животный страх, который сковывал ее после бегства, осознания, что они стали изгоями, предателями в глазах человечества, просто... растворился. Его словно смыло мощной волной холодной, ясной логики, пришедшей откуда-то из глубин нового разума. Они сделали единственно возможный выбор в тех условиях. Теперь нужно было постараться выжить. Простая, чистая задача, лишённая эмоциональных шумов. Страх неэффективен. Паника – расточительна.

Но выживание давалось нелегко. И проблема была не в недостатке ресурсов – с этим мирились. Проблема – в ней. В них. Тихой, неумолимой трансформации, происходившей в полутьме.

Дверь в лабораторию открылась с тихим шипением пнев-

матики. Вошел Марко Реннер. Он нес два пакета с питательной пастой – безвкусной, серой субстанцией, которая теперь стала их основным рационом на ближайшие месяцы, если не годы. Увидев Алекс, освещающую угол лаборатории своим собственным сиянием, он вздрогнул, сделав произвольный шаг назад, но быстро взял себя в руки. Его лицо, освещенное снизу ее голубым светом, казалось изможденным и постаревшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.